

Поединок

Первый дивизион бронекатеров артиллерийским огнем поддерживал наступающую вдоль берега Финского залива пехоту. Справа, по носу «Сто первого» взорвалась сброшенная с «юнкерса» бомба, и сигнальщика Ивана Храмцова выбросило на льдины, среди которых двигался катер. Подобрал его переоборудованный из морского буксира тральщик Щ-32. На нем, по приказу командира, Храмцов заменил убитого сигнальщика.

Вихри боя, сопровождаемые воем пикировщиков, взаимной ненавистью и страхом, то приближались к тральщику, то удалялись от него.

«Влепил», — с удовлетворением подумал немецкий летчик, увидев вспышку пламени на русском корабле.

...Взрыв на корме смел с палубы всех. Отброшенный, прижатый к борту Храмцов уцелел чудом. Тральщик погружался с развороченной кормой и заклиненной стальной дверью искореженной ходовой рубки.

Внутри глухо кричали и стучали запертые моряки.

Когда Храмцов очнулся, вода, с разлившейся вокруг тральщика соляркой, начала покрывать палубу на корме. Небо кружилось, подступала тошнота. Храмцов поднялся и, придерживаясь за леер, огляделся. Командира не было. Перед взрывом он стоял почти рядом, не было и комендоров у разбитой пушки и пулеметчиков у ДШК. Лишь за бортом, где чернела вода, на которой серебрились льдины, плавала чья-то шапка.

Крики и стук в ходовой рубке усилились. Едва двигаясь, Храмцов добрался до красной пожарной доски и снял ломик. Просунув конец ломака в щель, он попытался открыть дверь. Дверь не поддавалась.

— Просунь ломик дальше! Продвинь дальше, — неслось изнутри. Будто не своими руками, Храмцов начал протискивать ломик. Ломик застрял. А они нажимали, пытаясь расширить щель. Храмцов слышал их свистящее дыхание. Одной рукой он пропихивал

ломик, а второй, ухватившись пальцами за кромку двери, оттягивал дверь на себя. Завыла и грохнула бомба. Тральщик вздрогнул и резко накренился.

Храмцов с трудом удержался за кромку двери, а ломик вывалился из щели.

Скользнув по ноге, он со звоном покатился по палубе и приткнулся к фальшборту у леера. Пальцы правой руки обожгло. Рука непроизвольно дернулась, а жар превратился в жгучую боль. Без ломака стальная дверь захлопнулась и придавила концы пальцев. А они уже не кричали, а хрипели.

— Дай ломик...

Старшего моториста Петра Бурхаиова, по совместительству комендора, вызвали наверх. Перед этим поднялся и не вернулся моторист — пулеметчик Алексей Иванов, и Александр Серебряков, матрос по первому году службы, в отсеке остался один. Он едва успевал перебрасывать реверс и регулировать обороты ревущего разгоряченного двигателя.

«Полный вперед». «Полный назад». Серебряков метался, переводя приказы с ходовой рубки на доступный пониманию машины язык. Тральщик вибрировал в такт двигателю, вздрагивал от выстрелов своей пушки и

содрогался от близких взрывов снарядов и бомб противника.

На какое-то время телеграф умолк, и Серебряков, вытирая со лба пот, осмотрел двигатель. Давление масла и другие показатели в норме. В отсеке — порядок, а каждая медяшка надраена до позолоты. Это последнее, что он увидел.

Страшной силы удар бросил его на горячий, мотор. Уже без сознания, не ощущая боли, он упал на палубу...

Сознание прояснялось. Он вспомнил, что произошло. Открыл глаза. Темно. Журчала вода. Вытянув руки, волоча ноги, добрался до аварийного выключателя, зажег свет. Вода, смешанная с соляжкой и машинным маслом, заливала отсек. Полуоглохший, в ссадинах и ожогах, Серебряков растерялся. Вспомнил аварийные учения, такие непохожие на то, что его окружало. Наверху кричали и стучали. Серебряков и сам постучал в переборку, но там, за шумом, его не слышали. Аварийный свет погас.

«Делай, как на учении, как на учении», как заклинание повторял он про себя. С инструментом, заглушками и электрическим фонарем заделал течь в углу отсека. Вода медленнее, но прибывала. Дифферент на корму и крен на правый борт увеличивались. Смешанная с нефтью вода закрыла внизу выход и выстудила отсек. Когда он заделывал течь, вымок и теперь дрожал от холода.

«Капковый бушлат и шапка висят у выхода». Фонарь высветил уходящую углом вниз палубу с неумолимо поднимавшейся черной от нефти водой. У затопленного выхода плавала его одежда. Оставив на моторе зажженный фонарь, Серебряков полез в воду за одеждой. Отжав воду с бушлата и шапки, он натянул их на себя. «Нужно выбираться наверх через люк».

Подобравшись к люку на верхнюю палубу, он обнаружил слабое шипение. Воздух из отсека уходил наружу! О «воздушных подушках», которые могли удержать тральщик на плаву, он знал, говорили на занятиях. «Как только воздух уйдет, вода займет его место и тральщик утонет», — подумал Серебряков.

Наверху по-прежнему кричали. «Просто так кричать не будут! Наверное, попали в беду и просят о помощи. Открою люк — тральщик утонет вместе с ними, а может, и другими ранеными! Не раздумывай, открывай, выбирайся на волю! Спасешься сам, спасешь их! Не спасешь, не успеешь! Откроешь люк — всех утопишь! Проживешь несколько минут больше! Не дергайся! Забей плотнее задрайки люка и ныряй на выход!».

Облепленный нефтью, трясаясь от холода, Серебряков с отчаянием, чуть не плача, колотил по задрайкам до тех пор, пока воздух не перестал шипеть. Пробираясь к выходу по стоявшей горой палубе, он поскользнулся и, падая, ударился головой о трубу. На какое-то мгновение сознание его отключилось, и он не мог понять, где он и что с ним? Фонарь и инструмент он выронил и оказался в темноте. Кашляя, отплеываясь от попавшей в горло соляжки, Серебряков ощупью выбрался из воды. Хуже всего было то, что он потерял ориентировку и не мог даже представить, где находится выход.

«Быстрее, быстрее ищи выход! Поднырни и выберешься наверх!»

Наступавшая вода и судорога, скрутившая тело, вынудили его подняться выше. Давление между забортной водой и воздухом в отсеке уравнилось. Вода больше не прибывала, а нырять и искать выход — сил не было. Лезть выше — тоже нельзя. Голова упиралась в подволок!

Пока работал, мысли о смерти не поглощали его, а сейчас стало страшно. Почему-то вспомнил мать, которая всегда боялась, чтобы он не простудился, потом Нюрку, которую полюбил с 6-го класса, но так и не сказал ей об этом. Но тот, рассудительный в нем, оттеснил его мысли. «Делай что-нибудь, не стой, не сдавайся!». Нащупав в темноте плавающую деревяшку, Серебряков начал стучать ею в подволок.

...В рубке хрипели, ругались и барабанили.

— Дай ломик, дай ломик!

Дверь тряслась, и рука Храмцова, отзываясь на каждый толчок, непроизвольно дергалась будто от электрического тока. Может, он закричал, а может, только подумал: «Пальцы, пальцы»- Наверное, там догадались. Послышалось: «Взяли, взяли!» — и он вытащил пальцы. Подвывая от боли, Храмцов поднял руку и, как в детстве при ушибе, подул на нее. А в рубке снова зашумели: «Ломик, ломик!» Они нажали сильнее. Щель разошлась. «Теперь ломик пролез бы, пролез!». А он не мог отпустить поручень, за который держался здоровой рукой, и принести ломик. Перед глазами вертелось. Чтобы не свалиться, Храмцов облокотился о дверь, которая вздрагивала от их усилий. Палуба еще больше наклонилась и стоять на ней стало труднее. Образовавшиеся в отсеках «воздушные подушки» еще удерживали тральщик на плаву, но крен на правый борт возрастал. Еще немного, и ломик, конец которого торчал из воды, покатится к затопленной корме.

Послышался отдаленный шум катера. «Перебирайся на льдину, пока живой! Дверь все равно не открыть! Поплывешь, утонешь! Долго среди льда не наплаваешь! А найдут, какими глазами смотреть будешь и как жить будешь?». Контуженная голова гудела. Мысли едва ворочались. Будто думал за него кто-то другой. А в рубке хрипели: «Дай ломик, дай ломик!»

Храмцов в отчаянии ударил окровавленной рукой по двери. Боль задержала электрическим током и вывела его из оцепенения. Он сполз к фальшборту и, держась за него здоровой рукой и опираясь на ладонь раненой, пополз вниз. Вода уже скрыла ломик. Храмцов опустил здоровую руку заведомо дальше того места, где, по его предположению, он должен был лежать, и начал медленно ощупывать палубу. Слишком многое зависело сейчас от его сноровки. Одно неосторожное движение — и ломик уйдет в воду. А это конец всем. Рука окоченела, пальцы едва гнулись, но он нашел ломик и вытащил его из воды. Как ему удалось развернуться и поползти с ломиком до ходовой рубки, он не помнил. Если бы не занимался спортом, не пополз бы.

Хватая открытым ртом воздух, с помутневшими глазами, Храмцов начал просовывать ломик в открывшуюся щель. Ломик полез. Внутри быстро заговорили. В рубке загромыhalo. Из полуоткрывшейся двери протиснулось

шестеро. Пять в капковых бушлатах, шестой — в армейском ватнике, с перевязанной окровавленными бинтами головой и резиновым тюком. Могучего старшину Степана Сальникова, с ломиком в руках, и матросов Кузнецова и Старкова Храмцов знал. Двух молоденьких салажат и раненого видел первый раз. Армеец, с погонами лейтенанта, был тоже совсем молодой. Может, немного старше салажат. Тюк лейтенанта тащил Старков, а раненый только держался за него..

«Офицер связи с рацией»,— решил Храмцов. Связь с корректировщиками огня на берегу осуществляли через радиостанции бронекатеров, но армейцы на всякий случай брали свои полевые рации.

Храмцов снова взглянул на армейского лейтенанта и подумал: «Как он попал на тральщик?». Отвечая на его взгляд, Сальников произнес:

— Раненого передали нам со «Сто третьего» бронекатера. Мы должны были доставить его на базу.

Старшина бросил ломик, и тот, прозвенев по палубе, исчез в воде. Затем, осмотрев руку Храмцова, кивнул Кузнецову. Вдвоем они быстро перевязали Храмцова. Бинты были мокрые, но ему стало легче. Боль не прошла, а отодвинулась, наверное потому, что теперь он не один, а сейчас это главное. Взглянув на стекавшую по его лицу воду, Сальников натянул на себя его мокрую шапку, а ему надел свою, сухую. Храмцов благодарно улыбнулся.

Настоящей улыбки не получилось, но старшина понял. Широко улыбнувшись, он слегка хлопнул Храмцова по плечу. Улыбки и хлопок были как рукопожатие. На какое-то время у Храмцова промелькнуло то, о чем он страшился думать. «Что было бы, если он не справился с собой и не достал ломик?!»

— Поплыли к той льдине, она ближе,— показал головой старшина.

— Стойте, стойте! Стучит! — крикнул салажонок.

— Где стучит? — взглянул на него Сальников.

— Там, в корме! — Все замерли. Изнутри тральщика доносился слабый, едва различимый стук. Стук то прерывался, то возникал снова.

— Кто-то живой,— сказал Кузнецов.

— Ломик взял с пожарной доски? — обратился к Храмцову Сальников.

— Да.

— Там должен быть и топорик.— Сальников пошарил руками у разбитой пожарной доски и вытащил топорик с красной деревянной ручкой.

— Кузнецов, фонарь у тебя?

— Выбросил. Испортился в воде.

— Старков, ты за меня остаешься старшим. Нас не ждите. Тральщик моментом может уйти в воду, и вас затянет. Плывите к той льдине,— Сальников показал на ближнюю льдину.

— Пошли,— кивнул старшина Кузнецову. Они пролезли в полуоткрытую дверь рубки и исчезли.

Оставшиеся сошли в воду с кормы. Храмцов почувствовал, будто погрузился в обжигающий кипяток. В разлившейся вокруг тральщика солярке поплыли к льдине. До нее было несколько метров. Храмцов греб одной рукой. Ему

помогал салажонок. Около раненого лейтенанта крутились Старков и второй салажонок. Они тащили резиновый тюк, который плавал от находившегося в нем воздуха. Лейтенант, ухватившись за тюк, еле шевелился. Видно, совсем ослаб. Судорога не отпускала ноги Храмцову, и намокшая пудовая одежда тянула книзу. Держал только капковый бушлат.

Перемазанные в солярке, окоченевшие от стылой воды, выбрались на лед. Легкие и ловкие салажата, которых подталкивал Старков, влезли первыми и помогли подняться остальным. Вначале втащили лейтенанта и его тюк, потом Храмцова. Когда вылезали, опирались на Старкова. Льдина была крутая и скользкая и даже сильному Старкову без помощи салажат на нее было не забраться.

Дрожа от озноба, выжали бушлаты и ватник лейтенанта. Вылив воду из сапог, сбились в плотный круг,

где лед был прочнее. Лейтенанта поместили в середину.

- Плы-ы-ву-у-т, плы-ы-ву-у-т! — закричали салажата.

Сальников и Кузнецов тащили третьего. Храмцов узнал в темном от мазута человеке моториста Серебрякова. Старков помог им влезть на льдину.

— Ч-что-о с ни-и-м? — спросил старшину.

— В момент взрыва потерял сознание. Потом заделывал течь. Если бы не он, тральщик давно бы ушел в воду. Вместе с нами, — добавил старшина.

Согревая друг друга теплом своих тел, с лейтенантом и Серебряковым в центре, стиснулись в кучу, вжимаясь не только друг в друга, но и в себя.

Запасливый Сальников вытащил фляжку со спиртом. Выпили по глотку.

Мороз был слабый — один-два градуса, но от холода тряслись все, кроме старшины, особенно салажата. Старшина дал им и лейтенанту еще по глотку.

Серебряков кашлял и пить не мог.

Всезнающий Старков, собирая с бушлата нефть, начал обмазывать ею свое лицо.

— Не-е-фть гре-е-ет.

Остальные последовали его примеру и тоже обмазались. Лейтенанту, Храмцову и салажатам помазали сообща.

Наступал вечер. Густо повалил снег и смешал море с небом. Фашисты улетели. Стало тихо. На берегу угас бой. Вдалеке знакомо застучал мотор катера. Сальников вытащил из кобуры лейтенанта пистолет и выстрелил три раза. Катер шумел по-прежнему. Старшина стрелял, пока не кончились патроны. Катер ушел.

Лейтенант начал что-то говорить Старкову. Старков, кивая головой, развязывал туго затянутый прорезиненный мешок. Внутри сухого мешка рация была упакована во второй, тоже прорезиненный мешок. «Соображает пехота», — подумал Храмцов. Лейтенант хотел надеть телефонные наушники от радиации на голову, но не мог поднять рук.

— С-сни-и-ми мне ша-а-пку, о-о-д-ень на-а-уш-ни-ни-ки, — обратился он к Старкову.

Старков снял шапку лейтенанта и нацепил ему на голову наушники. Заметив, что шапка лейтенанта промокла, натянул ее на себя, а ему поверх наушников

надел свою, большую и сухую. Лейтенант попытался включить рацию, но руки его не слушались. Тогда он медленно и неуверенно стал тереть свои кисти.

— Лу-чше-е я,— присел к нему салажонок. Он снял свою шапку и, засунув в нее руки лейтенанта, принялся с ожесточением их растирать. Лейтенант немного ожил, но справиться с рацией не мог.

— Я-а-а ради-и-о-о за-а-нима-ался и Мо-орзе зна-аю, не-е о-очень, но-о зна-аю. Вы-ы го-овори-ите, а я-я бу-ду де-лать, что-о на-адо,— обратился к лейтенанту второй салажонок.

Старков взял рацию на руки, а лейтенант с салажонком принялись готовить передатчик. Наконец лейтенант прохрипел: «Ра-або-ота-ет». И салажонок принялся выстукивать на ключе.

На четвертый раз их слышали.

— Поо-ряя-док, прии-няя-лии,— чуть слышно сказал лейтенант. «В темноте скоро не найдут,— подумал старшина.— Будем стоять — пропадем. Льдина небольшая и по краям размыта. Только в середине крепкая. Ходить кругом по ней нельзя — свалимся в воду. Придется крутиться на месте». Сальников разрезал ножом один резиновый мешок и набросил его сверху на всех. С лейтенантом, Серебряковым и совсем продрогшим салажонком в середине начали вращаться все кругом, подставляя по очереди колючему ветру лицо и грудь.

Тральщик разыскивали три советских катера. В сплошном снегопаде двигались медленно, круша мелкие и обходя крупные льдины.

Ориентировались по счислению и стрельбе на берегу.

Дивизионный связист лейтенант Савченко, втиснувшись в крохотную радиорубку «Сто шестого», ведущего поиск вместе со «Сто четвертым» и «Сто пятым», пристроился рядом с вахтенным радистом, только что принявшим радиogramму командования.

«С наступлением темноты возвращайтесь на базу».

Времени до окончания поисков оставалось совсем немного, и Савченко торопился, перебирая возможные причины потери радиосвязи с тральщиком, если он не погиб.

«Связь с береговыми корректировщиками артогня велась бортовыми радиостанциями на волне армейцев, а связь между катерами — на корабельной волне. На пропавшем тральщике находился раненый армейский офицер с переносной рацией. Скорее всего он мог быть в ходовой или радиорубке. Радиостанция — рядом с ходовой рубкой. Если в нее попал снаряд, пострадал не только передатчик и радист тральщика, но и офицер связи. Допустим, офицера связи в этот момент там не было или он и его рация по счастливой случайности остались невредимыми. Тогда, конечно же, он попытается воспользоваться своей рацией. А на какой волне? Рация его была подготовлена для работы с береговыми корректировщиками и настроена на их частоту. Будет ли он перестраивать передатчик на корабельную волну? Смотря, в каких условиях? Условия известны. Радиостанция разбита, сам тральщик поврежден, может быть, тонет! Дорога

каждая минута! Выходит, перестраивать передатчик он не будет. С окончанием операции армейцы, в целях маскировки, должны перейти на другие волны. Значит, волна, на которой он мог работать, не прослушивалась ни нами, ни ими. Может, он и работал, а мы следили за ним на другой волне?!»

Лейтенанта даже в жар бросило от этой версии. Он тут же приказал радисту перейти на волну армейцев. Савченко, в прошлом опытный радист, подключил к приемнику параллельные телефоны. Эфир был заполнен щелчками, писком, шипением морзянок, кодовыми телефонными переговорами фронтовых раций, но ничего похожего на сигналы тральщика. Радист продолжал вертеть ручки приемника, перестраивая его по сторонам от рабочей волны.

Тревожная вахта тянулась, и надежда на появление сигналов исчезнувшего тральщика угасала.

— Перестраивайте приемник шире, — приказал Савченко радисту. Во время аварии частота их передатчика могла уйти в сторону.

Радист стал прослушивать более широкий диапазон волн и за полевыми рациями среди шорохов эфира наткнулся на необычные сигналы. Кто-то неумело, крайне медленно работал на ключе. Знаки Морзе то расползались друг от друга, то слипались вместе.

Карандаш радиста вывел несколько букв: а-ль-ний-коов. То же самое прочитал на слух и Савченко.

Неумелый радист умолк, а лейтенант подумал.

«Похоже на Сальникова? Неужели прохлопали и приняли лишь конец радиограммы?!»

Странная рация опять заработала: «Поо-мо-гии-те, поо-мо-гии-те. Саа-льни-коов!» — и снова замолчала.

— Дайте медленное кодовое подтверждение о приеме на самой малой мощности передатчика. Сальников где-то рядом, а немцы знать об этом не должны!

Едва заметный, тонкий лучик света от «Сто шестого» просигналил ведомым катерам. «От тральщика приняли радио: нуждается в срочной помощи, находится недалеко, продолжаем поиск».

Перестраивая приемник, радист «Сто шестого» услышал громкие щелчки передатчика, работающего цифровым кодом. По мощности сигналов, занявших широкий диапазон частот, передатчик был будто рядом. Радист взглянул на лейтенанта Савченко и придвинул к нему вторые наушники.

— Не понимаю, кто-то работает, совсем близко.

Савченко надел телефоны. Излучение радиостанции прослушивалось по широкому диапазону. После кодовых вызовов неизвестный радист отстукал несколько цифр, сделал интервал, а затем передал одинаковые по длительности сигналы, похожие на чрезмерно растянутую букву «Т», и закончил работу.

Лейтенант безошибочно узнавал не только по тону и сопутствующему слабому фоновому излучению радиостанции своих катеров, но и по

«почерку» передачи на ключе радистов. А эта радиостанция ни по излучению, ни по своеобразной работе на катерную похожа не была. «Наших кораблей поблизости нет! Неужели немцы?!»

...— Вперед! Вперед! — не сдаваясь, упорно хрипит старшина, подталкивая круг.

Снег все идет, а время остановилось. Медленно умирает свет. Наступающие сумерки поглощают и черную воду, и ближние льдины, и даже края той, по которой двигаются моряки. Лишь под ногами, не смолкая, скрипит снег. А круг живет, борется, собирая тепло каждого в одно тепло, согревающее всех.

Первым знакомый перестук моторов услышал Старков.

— Наши, наши! — Но шум стал удаляться, уходить в сторону.

«Нужно включить рацию и сообщить, что мы их слышим», — подумал

Сальников. Но сделать это было некому. Даже он одеревеневшие руки не мог отнять

от круга, а лейтенант, салажата и Серебряков давно «отключились» и двигались потому, что двигался круг. — «Уходят, уходят! Кричи, кричи!»

— Братишки! Мужики! Вме-е-сте, а-а-а, — прохрипел старшина.

— А-а-а! — Закричал вырванный из оцепенения круг.

— Справа крики людей, — четко произнес сигнальщик.

Командир «Сто шестого», старший лейтенант Константин Кравцов, застопорил ход. Тихо. Только шуршал ветер, да с берега слышались редкие выстрелы. Но вот с кормы ветер принес протяжное: «А-а-а! А-а-а!»

«Сто шестой» сообщил следовавшим за ним катерам направление на крик и, развернувшись, пошел к терпящим бедствие.

...«Для чего немцы передавали длинные тире?» — прослушивая с радистом эфир, думал Савченко. — Такими сигналами корабли часто повышают точность определения своего положения береговыми радиопеленгаторами. Что они ищут? Может, тоже Сальникова? А как они узнали о нем?

Перехватили радиogramму и запеленговали рацию?!

Савченко поделился своими соображениями с командиром «Сто шестого» и, готовый к бою, катер прибавил ход...

«Где-то здесь, — думает командир «Сто шестого». — Послушаем, с какой стороны кричат? Не то, при такой видимости, еще наскочим на них!»

Кравцов сигналил следовавшим за ним катерам: «Всем остановиться, слушать!» — и поворачивает ручку машинного телеграфа на «стоп».

Еще потрескивают раскалываемые катером льдины, а сигнальщик уже докладывает.

— Правый борт 50 — шум моторов!

«Наших катеров близко нет! Неужели немцы! Подбираются к Сальникову! А может, уже схватили и уходят?!» Двигатели неожиданно смолкли.

«Если бы схватили, то уходили бы полным ходом, а не стояли?! Наверное, тоже прислушиваются! — мелькает в голове Кравцова, — Немцев нужно оттеснить от Сальникова, и быстрее. Если они увидят беспомощных русских — один снаряд или очередь из пуле-

мета, и все будет кончено. Пойдем полным ходом навстречу фрицам, чего доброго, наскочим на Сальникова и утопим».

Тонкий лучик света мигает «Сто четвертому» и «Сто пятому».

— Правый борт 50 — слышал работу двигателей, полагаю, противник!

— Сальников где-то рядом! Идем малым на сближение с немцами!..

Снова приближается свой, такой знакомый, гул моторов. Круг — остановился, закричал. Крик получился тихий. «Охрипли, да и сил нет. За шумом ветра и двигателей нас не слышат!» — думает Сальников.

Неожиданно двигатели смолкли.

«Теперь закричим», — решил старшина и... прислушался к доносившимся с другой стороны звукам еще одних двигателей. Звуки были чужие, настораживающие. Будто кто-то подкрадывался к их льдине и, подобравшись совсем близко, затаился.

Снежные заряды то закрывают идущие строем катера, то вновь открывают их. А впереди без просвета мчится серая мгла.

На какое-то мгновение занавес из снега раздвигается, и Кравцов видит на льдине люден

— Левый борт 30 — люди! кричит сигнальщик.

Кравцову кажется, будто с другою борта, на юго-запад от людей, проступил и скрылся неясный силуэт корабля.

Ближний к Кравцову «Сто четвертый» сигналил:

— Левый борт 20 — люди на льдине!

— Продолжаем сближение с противником, отсекаем его от людей, — отвечает Кравцов.

Как-то неожиданно прояснилось. Сперва на небе, потом на воде. Бледный свет луны обнажает всех, а осветительная ракета делает картину еще четче! Три советских бронекатера вклиниваются в разрыв между льдиной с людьми и двумя большими, высокобортными немецкими катерами. Спаренные автоматические пушки немцев и тяжелые пулеметы ближнего катера направлены в сторону сжавшихся на льдине русских моряков. Орудия и тяжелые пулеметы русских катеров держат на прицеле противника. Ветер относит ракету в сторону. На смену ей с ближнего немецкого катера летит другая. И здесь происходит невероятное. Один случай из многих тысяч! Противники не открывают огня! «С одного залпа два больших немецких катера сразу можем не вывести из строя, а группу Сальникова они расстреляют! Они у немцев сейчас как заложники. Лучше аккуратно, не спеша, без выстрелов, отеснить фрицев от льдины,» — решает Кравцов.

На самом малом ходу, прикрывая своим корпусом Сальникова, «Сто шестой» теснит немцев. «Сто четвертый» и «Сто пятый» повторяют его маневр.

...Сальников видит и свои катера и катера противника. «Похоже, фрицы целят в нас?! — будто о чем-то постороннем думает он. — Стоять и ждать их выстрелов не будем! Да и замерзнем, стоявши!»

— Давай, давай! — командует старшина.

Фашисты, видно, понимают: один удачный залп русских из мощных 76-

миллиметровых орудий — и Германия недосчитается двух новейших катеров. К тому же немцы знают: русские будут защищать своих товарищей с яростью и до конца. А это не входит в их планы.

Немецкие катера пятятся назад.

«Уходят! В самый раз влечь им залп,— думает Кравцов.— Нельзя!

Сальников у них под прицелом! Они боятся нас, а мы боимся за своих на льдине! Проводим их подальше, а там видно будет! Уходить от Сальникова далеко нельзя. А то потеряем их. Снег вон снова замел! И бросать фрицев без присмотра не годится!» И Кравцов, продолжая теснить немцев, сигнализирует «Сто четвертому»: «Снимайте людей со льдины!»

Налетевший заряд снега закрывает и русских и немцев. Из стремительно несущейся пелены резко стучат автоматические пушки гитлеровцев, которым вторят гулкие выстрелы бронекатеров. Один немецкий катер вспыхивает.

Прикрываясь дымовой завесой, противник отходит. Бронекатера преследуют немцев, стреляя по отблескам пламени, пока не теряют их из вида.

Пробивая иссеченную белыми пунктирными линиями неистовость метели, радист «Сто шестого» передает на базу короткое сообщение: «Команду тральщика сняли, возвращаемся».

Теперь в этот район ходит электричка.

Трое стариков, проваливаясь в снег и поддерживая друг друга, бредут от платформы к заливу. Воздух предельно чист и наполнен солнцем. Лишь далеко над Ленинградом висит шапка дыма. Их обгоняют лыжники в красных, синих и желтых костюмах. Они улыбаются, поглядывая на неуместную в этом солнечном цветастом мире троицу в старомодных пальто и потертых меховых шапках.

На ледяном береговом припое из солдатской фляжки старики выпивают по глотку. Сняв шапки, смотрят на залив, вытирая слезы то ли от колючего ветра, то ли пускаясь в странствия по дням и часам Великой Отечественной. В прошлом году их было четверо...